

Грудь болела невыносимо, у Тан Мо появилось чувство удушья. Осторожно регулируя дыхание, он старался делать его максимально поверхностным, чтобы не задеть рану.

Лекаря Чэня приволокли к нему на руках. Увидев Тан Мо с кинжалом, торчащим из груди, он изменился в лице.

Он быстро достал лекарство и высыпал на рану Тан Мо, сказав серьезным тоном:

— Нельзя просто так вытаскивать кинжал. Не трогайте его, пока я не приготовлю средство. Божественный лекарь Хэ оставил спасительный препарат для Вашего Величества на случай крайней необходимости, как раз подойдет для господина Тан.

Лекарь Чэнь открыл аптечку, выложил все лекарства со столешницы и достал из самого нижнего ящика маленькую коробочку. В ней лежала таблетка темно-красного цвета.

— Быстро дайте господину проглотить это, иначе он может не выдержать извлечения кинжала.

Таблетка была размером с мизинец, проглотить ее было нетрудно. Сяо Чжэнтин лично подал ему воды и, убедившись, что тот проглотил лекарство, успокоился.

Затем лекарь Чэнь передал евнуху Суню бинты, средства от ран и другие жизненно важные препараты, сел у кровати и посмотрел на Тан Мо.

— Господин Тан, не бойтесь. Старайтесь дышать ровно, даже если будет больно. Помните: как бы тяжело ни было, нельзя сдаваться.

Потеря крови при такой ране была неизбежной. Лекарь Чэнь помогал Тан Мо приводить здоровье в порядок и знал, что несмотря на внешнее здоровье, его тело очень слабо. Тем более он был отравлен двумя ядами, из-за чего некоторые спасительные лекарства использовать было нельзя.

Кинжал вошел глубоко, и ждать приезда божественного лекаря Хэ было нельзя. Они могли бы подождать, но господин Тан — нет. Лекарь Чэнь мог лишь использовать все свое мастерство, чтобы сохранить ему жизнь.

Зная, насколько сильно Ваше Величество ценит Тан Мо, лекарь Чэнь понимал: если с ним что-то случится, сам он не останется в живых.

Закатав рукава, лекарь Чэнь крепко схватил рукоять кинжала, глубоко вдохнул и посмотрел на Сяо Чжэнтина и Ли Цюаня:

— Ваше Величество, когда я вытащу кинжал, кровь хлынет наружу. Запомните: как только я его вытащу, вы должны немедленно прижать рану и не отпускать, пока кровь не остановится. Иначе я бессилён.

— Я хочу, чтобы он жил.

Взгляд Сяо Чжэнтина был холоден, как стрела, а голос леденил кости:

— Если он умрет, вы все пойдете за ним.

Тан Мо хотел улыбнуться, но смог лишь слегка дернуть уголком губ:

— Ты так его напугал, что он может начать дрожать от страха, и я умру еще быстрее.

Мастерство лекаря Чэня было безупречно, но Тан Мо не питал надежд. Рана была слишком тяжелой, даже если удастся остановить кровь, неизвестно, выживет ли это тело. Все зависело от воли небес.

В конце концов, он уже умирал однажды, смерть во второй раз — вполне нормальное явление. Только вот неизвестно, будет ли в следующий раз такое же счастье получить перерождение.

Подняв взгляд на Сяо Чжэнтин, Тан Мо ухватился за его рукав. Он хотел сказать ему, что очень любит, но не как брата или друга.

А как возлюбленный. Хотя он этого и не проявлял, сердце шептало: он влюблен в этого мужчину, эта любовь стала бедствием.

Лекарь Чэнь понял, что Сяо Чжэнтин молчит. Он отбросил все лишнее, сосредоточенно взглянув на свою руку, сжимавшую кинжал, тихо выдохнул и на глазах у всех резко выдернул клинок.

Кровь брызнула fountain, Тан Мо харкнул ею, нестерпимая боль едва не лишила его сознания, удушье сжало горло. Он сцепился с простыней и медленно закрыл глаза.

Сяо Чжэнтин и Ли Цюань изо всех сил давили на рану, но кровь продолжала сочиться, пропитывая нижнее белье и матрас.

На лбу лекаря Чэня выступил пот, он вводил иглы, останавливая кровь, взгляд был сосредоточенным и серьезным, он не смел допустить ни малейшей ошибки.

Тан Мо постепенно погружался в беспамятство. Ему казалось, что он погружен в странное озеро, холод проникал в самые кости. Он пытался бороться, но был бессилен, мог лишь смотреть, как тонет, тонет все глубже, в неизвестную бездну.

После часа реанимации лекарь Чэнь велел Сяо Чжэнтину отпустить рану, с огромной скоростью наложил швы, приложил лекарства и перевязал бинтом.

Даже после этого кровь сочилась, но к счастью, уже не лила потоком. Это было малым утешением в большом несчастье.

Сяо Чжэнтин гладил бледное лицо Тан Мо, и боль в глазах сменилась холодом.

Ли Шань уже стоял за его спиной. Увидев, что лекарь Чэнь отошел от кровати, он шагнул вперед:

— Господин.

— Как там?

Холодный голос нес в себе зловещий холод, словно у демона, вышедшего из ада.

Ли Шань поклонился:

— Это те самые скрытые убийцы. Во дворце выявили семь или восемь евнухов и служанок. Я приказал командиру Вану воспользоваться этим случаем, чтобы зачистить весь Императорский дворец.

Сяо Чжэнтин говорил ледяным тоном:

— Всех казнить через линчи, трупы выбросить в поле на съедение диким собакам.

Эти люди ранили его Мо, и он хотел, чтобы они умерли в муках, в тысячу раз сильнее, чтобы у них не было ни могилы, ни покоя, ни перерождения.

Ли Цюань сказал:

— Вдовствующая императрица, кажется, тоже пережила сильный испуг.

Сяо Чжэнтин посмотрел на Тан Мо, чье дыхание было едва заметным, и провел рукой по его слегка прохладной щеке:

— Лекарь Чэнь, Ли Цюань и Ли Шань останутся здесь и будут охранять его. Я отправляюсь во Дворец Вечного Долголетия.

Сказав это, Сяо Чжэнтин взмахнул рукавом, развернулся и вышел, не оглядываясь. Евнух Сунь поспешил следом.

Ли Шань и Ли Цюань переглянулись. Прослужив рядом с Сяо Чжэнтином много лет, они знали множество секретов, в том числе и о вдовствующей императрице, и не испытывали к ней ни капли сочувствия.

У некоторых людей эгоизм в крови, это неизлечимо.

Во Дворце Вечного Долголетия вдовствующая императрица лежала на кровати, лицо было бледным, а перед глазами стояла сцена, как кинжал вонзается в грудь Тан Мо. Тело ее дрожало.

Ее служанка оказалась убийцей, посланной убить ее сына. Мысль об этом заставляла ее дрожать еще сильнее.

Сяо Чжэнтин смотрел на дрожащую на кровати вдовствующую императрицу, взгляд был ледяным.

Увидев его, евнухи поспешно упали на колени, дрожащим голосом произнося:

— Ваше Величество, приветствую вас.

— Прочь!

Пнув евнуха ногой, Сяо Чжэнтин шагнул к кровати.

Увидев Сяо Чжэнтина, вдовствующая императрица не заметила гнева на его лице и, ухватившись за его рукав, радостно воскликнула:

— Тин, я знала, что ты все еще жалеешь свою матушку.

Сяо Чжэнтин сжал ее горло и поднял, взгляд был свиреп:

— Не заставляй меня убивать собственную мать.

Служанки и евнухи в ужасе упали ниц, крича:

— Ваше Величество, умоляем, пощадите!

Если вдовствующую императрицу действительно убьет Ваше Величество, все, кто прислуживал ей близко, пойдут на казнь.

Подумав об этом, все затряслись, как листья на ветру, некоторые от ужаса даже потеряли сознание.

— Сын... сын...

Дыхание вдовствующей императрицы сбивалось, руки беспомощно цеплялись за него, словно у рыбы, выброшенной на берег.

Сяо Чжэнтин резко швырнул ее на пол и грозно произнес:

— Я уже говорил: веди себя достойно на своем посту вдовствующей императрицы, и в старости сможешь наслаждаться богатством. Если продолжишь интриговать, не вините меня за забвение сыновних чувств. Мое терпение лопнуло.

Если бы не то, что ее убийство создаст ему множество проблем, он бы давно разделался с этой женщиной.

Вдовствующая императрица, увидев убийственный блеск в его глазах, была в замешательстве:

— Это не я послала их, Тин, это не я послала убивать его.

— Это покушение на него? Моя добрая мать, убийцы пришли за мной. Если бы не Мо, который закрыл меня собой, сейчас на кровати между жизнью и смертью лежал бы я. Монстр? Это моя судьба, мой спаситель.

Он поднял ее, и в глазах плескалась ярость:

— Ты в который раз пытаешься создать ему трудности. Знаешь ли ты, что в моих глазах ты сама ищешь смерти?

Вдовствующая императрица смотрела на сына, находящегося так близко, и ясно видела убийственный блеск в его глазах. Она не могла поверить, широко открыв рот:

— Я... я твоя родная мать. Ты ради мужчины хочешь убить меня?

Ее сын, ее сын смотрел на ней с убийственным intent.

Отчаянно качая головой, вдовствующая императрица была полна отчаяния.

Нет... это не ее сын, ее сын никогда бы не убил ее, это невозможно.

Сяо Чжэнтин видел весь ее страх и с гордостью произнес:

— Матушка, ты думаешь, что достойна зваться матерью? Не забывай, что ты натворила, взбираясь на трон императрицы.

Вдовствующая императрица яростно распахнула глаза и закричала:

— Разве я не делала все ради тебя? Если бы не мои жертвы, был бы твой трон так прочен?

В те дни, чтобы укрепить его трон, она страдала так сильно, разве он это понимал?

Почему, почему из-за одного мужчины он так отрицает все, что она сделала, почему?

Сяо Чжэнтин холодно и безжалостно ответил:

— Ради меня или ради себя — ты сама это знаешь. Мой титул наследника престола даровал мне отец, и он, преодолевая недуг, несколько лет удерживал власть, чтобы упрочить мое положение. Если бы не отец, с твоим умением лишь ложиться с мужчинами, что бы ты смогла упрочить? Если бы дедушка на том свете узнал, что он, трудившийся всю жизнь, устраняя большинство политических врагов, и умерший от кровавого рвоты, увидел бы, как его дочь чуть не погубила того, кем он гордился больше всего, что бы он сказал?

<http://bllate.org/book/16556/1510380>